

МЕТОДОЛОГИЯ

*Д.Ш. ГОГОХИЯ***Почему деньги — это больше,
чем средство обращения**

В статье рассматриваются вопросы происхождения денег, их роли в становлении и развитии рыночной экономики. Известные в экономической литературе подходы сопоставляются с предлагаемым автором, в центре которого роль денег как предпочтительной для накопления (общепринятой) формы богатства, устраняющей влияние различий в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ на процессы рыночного ценообразования. Прослеживается связь между концепциями происхождения денег и осмыслением проблем современной центрально-банковской системы с частичным резервированием депозитов.

Ключевые слова: теория денег, цены, закон спроса, ликвидность, издержки содержания, банки.

Никто из экономистов не отрицал и не отрицает, что в отличие от современных (декретных) денег, деньги, изготавливаемые из драгоценных металлов, имеют внутреннюю стоимость. Вместе с тем мало кто признавал, что эта внутренняя стоимость сама по себе способна исполнять роль меры и регулятора стоимости товаров, ибо ее величина сама нуждается в выяснении. Проблема, однако, снимается, если есть основания рассматривать стоимость денег как нечто данное и неизменное. Поиску таких оснований препятствует традиционный взгляд на деньги как на средство обращения. Он же препятствует выработке надежных мер по искоренению инфляции без ущерба для производства и занятости. Между тем традиционный взгляд на деньги нетрудно опровергнуть, сопоставив учение о деньгах Дж. М. Кейнса и родоначальника австрийской школы К. Менгера.

Кейнс исходил из той простой истины (положив ее в основу теории денег и процента), что деньги высоко ценятся хозяйствующими субъектами как форма богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенного будущего. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, то есть на возможность их использования для достижения различных (не определенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но, как справедливо подчеркивает Кейнс (в 17 главе “Общей теории занятости, процента и денег” [Кейнс 1993]),

деньги — это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействия со стороны растущих издержек содержания.

Вместе с тем, поскольку, как считал Кейнс, все товары длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания (не говоря уже о финансовых активах — акции, облигации и т.п.), спрос на деньги как предпочтительной для накопления формы богатства может замещаться спросом на товары и наоборот¹. Различия между хозяйственными благами как хранилищами богатства, на которые указал Кейнс, не только принимаются во внимание при рыночной оценке капитальных благ. Данные различия проливают свет на становление и развитие самого товарного производства. Чтобы убедиться в этом, обратимся к учению о деньгах К. Менгера [Менгер 2005], которое высоко ценится всеми экономистами (не только сторонниками австрийской школы) за то, что в его рамках деньги как общепринятое средство платежа за товары появляются на свет в ходе эволюционного процесса, в результате свободного осмысленного выбора хозяйствующих субъектов.

В основе учения Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по непосредственной полезности, но и по способности к обмену (сбыту), то есть степенью ликвидности. Если бы это было не так, несовпадение предпочтений товаровладельцев (владелец товара А желает обменять свой товар на товар В, в то время как владелец товара В предпочитает товар С, и т.д.) оказалось бы непреодолимым и создавало бы тяжелые, постоянно возникающие препятствия для разделения труда и производства благ на неизвестного покупателя. Но поскольку товары отличаются способностью к сбыту, перед каждым хозяйствующим субъектом встает альтернатива: либо отказаться от обмена, учитывая трудности бартера, либо постараться обменять свой товар на такой, который обладает большей способностью к сбыту, чем собственный. Во втором случае вероятность достижения хозяйствующим субъектом своей конечной цели — приобретение путем обмена необходимых ему потребительских благ — значительно увеличивается.

Менгер особо подчеркивал, что хотя обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту, на товары с большей способностью к сбыту, отвечает экономическому интересу всякого хозяйствующего индивида, но фактическое проведение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, которые никогда сразу не приходят в одно и то же время к такому пониманию. Напротив, сначала только отдельные, наиболее предусмотрительные и деятельные хозяйствующие субъекты начинают понимать преимущество обмена на товары с большей способностью к сбыту и практиковать такой обмен. Но чем больше людей следуют их примеру, тем очевиднее и весомее выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). “Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами” [Менгер 2005, с 4]. Дело, однако, в том, что, пытаясь разьяснить, почему собственно товары различаются способностью к сбыту и, рассматривая в этой связи эволюцию товарных форм денег, Менгер выделяет черты, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления.

Возьмем такую известную, многовековую форму товарных денег, как домашний скот, которая отличалась, как отмечает Менгер, большой притягательной силой, ибо скотоводческие народы высоко ценили домашний скот по трем причинам. Во-первых,

¹ В указанной 17 главе “Общей теории” ликвидность обозначена как (L), а “издержки содержания” как (с). Важно отметить, что, по Кейнсу, “ликвидность” и “издержки содержания” важны в некотором сочетании. Иначе говоря, значение имеют не (L) и (с) по отдельности, а (L-с). При этом не существует, очевидно, никакой абсолютной (количественной) нормы ликвидности, а только шкала ликвидности, которая учитывается при оценке сравнительных преимуществ владения различными формами богатства. Формула (L-с) просто показывает, что именно сочетание относительно высокой ликвидности и абсолютно низких издержек содержания характеризует хозяйственное благо с точки зрения пригодности к накоплению по сравнению с другими благами (см. [Кейнс 1993, с. 323]).

он полезен во многих отношениях². Во-вторых, “скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много лугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы” [Менгер 2005, с. 7]. Наконец, в-третьих, рыночная стоимость скота отличалась устойчивостью, так как в условиях, “когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка” [Менгер 2005, с. 7].

Вместе с тем в связи с разделением занятий, образованием городов с населением, занимающимся по преимуществу ремеслом, стимулы к накоплению скота ослабевают, в частности, из-за растущих издержек, связанных с его содержанием. “Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать животных на воле” [Менгер 2005, с. 9]. Поэтому, по мере культурного развития по отношению как к кругу лиц, так и ко времени, в течение которого можно пренебречь издержками содержания, способность скота служить общепринятой (предпочтительной) формой богатства все больше и больше уступает подобной же способности других благ, а именно металлам, и в конечном счете, золоту и серебру [Менгер 2005, с. 9–10].

Вопреки намерению обосновать происхождение денег как посредника при обмене, Менгер фактически учит тому, что обычно люди предпочитают накапливать такое благо, которое может иметь различное употребление, служить разным целям, то есть обладает естественной ликвидностью³. Но принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействия со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом, если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (L и c), выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Отсюда, обобщая, нетрудно сделать главный вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене. Чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку некоторые из этих свойств (пригодность к накоплению) с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поскольку по происхождению своему деньги не являются продуктом какого-то соглашения, более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *общепринимаемое* средство платежа⁴.

Деньги, закон спроса и закон Вальраса

Сказанное о происхождении и назначении денег несколько не противоречит тому, что по мере развития товарного (специализированного) производства все большая часть денежной выручки от продажи товара расходуется на приобретение других товаров. Но если бы деньги воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами только как средство платежа за товары, решения относительно объемов покупок и продаж различных товаров оставались бы несогласованными, порождая, с одной стороны, избыточный спрос, а с другой — избыточное предложение на различных товарных рынках. Возьмем в качестве примера ситуацию, описанную А. Смитом. Хотя Смит много сделал для развенчания денег как средства накопления (в связи с критикой меркантилистских

² Доставляет молочные и мясные продукты питания, материал (шерсть и шкуры) для одежды, жилья и т.п.

³ В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

⁴ Такое уточнение будет не лишним, учитывая, что учение Менгера противостоит “договорной” концепции, известной со времен Аристотеля.

учений), он хорошо понимал, что развитие товарного (специализированного) производства в известной степени смягчает противоречие, связанное с несовпадением предпочтений товаровладельцев. Ведь всякое расширение товарного (специализированного) производства означает расширение круга потенциальных торговых партнеров для каждого отдельного товаровладельца. Поэтому рассуждение о трудностях или издержках безденежной бартерной торговли (владелец товара А желает обменять свой товар на товар Б, в то время как владелец товара Б предпочитает товар С и т.п.) никогда не использовалось Смитом.

Обсуждая обстоятельства возникновения денег, он отмечал, что безденежную торговлю (обмен) ограничивают (затрудняют) не издержки, связанные с поиском торговых партнеров, а уже накопленные товарные запасы. Если, например, у мясника уже имеется то количество хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время, между ним, пивоваром и булочником не может состояться обмен [Смит 2007, с. 83]. Нетрудно заметить, однако, что пивовару и булочнику намного легче было бы договориться с мясником, если допустить, что хлеб и пиво были бы столь же долговечны, не подвержены порче и занимали столь же мало места, как деньги. Мясник наверняка пошел бы навстречу булочнику и пивовару в их желании приобрести дополнительное количество мяса, если бы прирост запасов хлеба и пива как платы за мясо был бы столь же необременителен с точки зрения издержек содержания, сколь необременителен прирост запаса денег. В то же время, если бы деньги воспринимались и использовались мясником (равно булочником и пивоваром) только как средство приобретения товаров, способ оплаты (замена товара деньгами) не мог бы ничего изменить в ситуации, когда отдельный товаровладелец, ориентируясь исключительно на собственные предпочтения и издержки, не идет навстречу пожеланиям других товаровладельцев в плане расширения продаж своего товара, будь то мясо, хлеб или пиво.

Казалось бы, затруднение исчезает, если принять во внимание зависимость спроса и предложения от соотношения цен товаров и, соответственно, возможность при необходимости пересматривать меновые пропорции, как в неоклассической модели общего рыночного равновесия Л. Вальраса. Но у Вальраса процесс согласования решений, принимаемых хозяйствующими субъектами относительно продаж (покупок) своих (чужих) товаров, находится под бдительным контролем всевидящего аукциониста, назначающего цены и тут же, если они не уравнивают спрос и предложение на всех товарных рынках, аннулирующего контракты на покупку и продажу товаров по этим ценам и назначает новые [Вальрас 2000, гл. I].

Работа Вальраса сыграла важную роль в прояснении условий общего рыночного равновесия, поскольку очевидно, что на той стадии развития товарного производства, когда товары производятся посредством товаров и их объем и разнообразие многократно увеличиваются, каждый товаровладелец, планируя свои продажи и покупки, стоит перед выбором, суть которого в том, чтобы отобрать из огромного множества торгуемых товаров оптимальную для себя корзину. При этом планы (намерения) всех товаровладельцев должны быть учтены и согласованы таким образом, чтобы все товары были распроданы. Но было бы большим преувеличением сказать, что Вальрас или кто-либо другой из экономистов до конца разъяснил механизм оптимального отбора и рыночного согласования посредством корректировки цен. И дело тут не в том, что на подавляющем большинстве товарных рынков нет фигуры вальрасовского всевидящего аукциониста, аннулирующего контракты по неравновесным ценам и назначающего набор новых цен. Дело в том, что никакой новый набор цен не приближает к общему рыночному равновесию, если изменения в меновых пропорциях (при переходе к новым ценам) по-разному влияют на стоимостную величину товарного запаса (бюджетного ограничения), с которыми хозяйствующие субъекты выходят на рынок.

Не случайно, моделируя условия общего рыночного равновесия, Вальрас вообще обходился без денег, поскольку, как он считал, для оценки товаров в принципе подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. И действительно, ведь только соотношения цен показывают, в каких пропорциях

товаровладельцы могут замещать посредством обмена свои товары на чужие в целях оптимизации потребительской корзины. А раз так, нельзя не согласиться, что при моделировании условий общего рыночного равновесия для оценки товаров вполне подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица.

Важно, однако, понимать, что такое моделирование целиком и полностью основано на предположении, что никто не желает хранить, сокращать или увеличивать запас денег сверх запаса, который диктуется просто тем, что существует временной разрыв между продажей своего товара и покупкой чужих. Характерная особенность модели Вальраса состоит в том, что время в ней вообще не учитывается, но это тоже логически оправдано, если задача заключается в разъяснении, как происходят оптимальный отбор и согласование планируемых покупок и продаж посредством корректировки рыночных цен. При постановке такой задачи мы вправе предположить: общее количество товаров и денег фиксировано или даже запас денег вообще отсутствует, что вносит предельную ясность в решение поставленной задачи. И тем не менее именно эти упрощения делают анализ Вальраса, а главное — выводы из него недостаточно строгими.

Из уравнений общего рыночного равновесия Вальраса, строго говоря, можно вывести лишь одно: при любом наборе цен избыточный спрос на одних товарных рынках уравновешивается по стоимости избыточным предложением на других⁵. Допуская, что цены назначаются, скажем, в рублях (но ни у кого из торгующих агентов нет запаса рублей, то есть рубль — условная счетная единица), можно и должно ожидать (опираясь на уравнения Вальраса), что повышение цен на одних рынках будет непременно сопровождаться их снижением на других. Но отсюда вовсе не следует, что повышение цен на одних рынках и снижение на других побудит владельцев дефицитных товаров и владельцев избыточных товаров увеличивать спрос на избыточные товары, сокращая тем самым спрос на дефицитные. Ведь разнонаправленное изменение цен будет воздействовать разнонаправленно на покупательную способность (реальную величину богатств) экономических агентов. Одни станут богаче, другие — беднее. Ожидать в этих условиях согласованного поведения рыночных агентов по расчистке товарных рынков нет достаточных оснований. Эффект реального богатства или, как его чаще называют, эффект дохода будет эффективно противодействовать такому согласованному поведению [Хукс 1993, гл. 2].

Только денежная форма богатства раскрывает нам механизм рыночных сил спроса и предложения, обеспечивающих согласованное поведение людей в ответ на изменение рыночных цен, независимо от набора полезных вещей и услуг, находящихся в их распоряжении. Проблема в том и состоит, что всякое изменение цен по-разному влияет на финансовое положение рыночных агентов (в зависимости от величины и состава бюджетного ограничения). Согласованность в поведении достигается в той мере, в какой изменение денежной цены воспринимается как изменение меновой стоимости товара, но не денег, меновая стоимость которых должна восприниматься как нечто данное и неизменное. Только в этом случае эффект дохода будет действовать в том же направлении, что и эффект замещения, ибо деньги будут восприниматься как “лучший товар” для накопления. В противном случае (если хозяйствующим субъектам придется учитывать возможность изменения меновой стоимости денег) нарушаются единство и взаимосвязь процессов ценообразования на товарных рынках, что совершенно исключается в рамках модели общего рыночного равновесия. Тем не менее единство и взаимосвязь процессов рыночного ценообразования нарушатся из-за естественных различий в степени ликвидности и издержках содержания товаров, которые при наличии сомнений в стабильности

⁵ Если, например, имеется в наличии 100 пудов хлеба и 100 килограммов мяса в руках разных владельцев, которые при цене равной, скажем, двум килограммам мяса за один пуд хлеба, желают сохранить (приобрести) в совокупности меньше хлеба, чем 100 пудов, то планируемый совокупный спрос на мясо, напротив, превысит 100 килограммов. Причем, согласно уравнениям (закону) Вальраса, избыточный спрос на мясо в стоимостном измерении в точности совпадет с избыточным предложением хлеба. Так, если совокупный спрос на хлеб (при цене два килограмма мяса за пуд хлеба) составил, скажем, 80 пудов (то есть избыточное предложение хлеба равно 20 пудам), избыточный спрос на мясо составит 40 килограмм, ибо при цене два килограмма мяса за пуд хлеба стоимость 20 пудов хлеба равна стоимости 40 килограммов мяса.

менной стоимости денег, смогут конкурировать с деньгами и друг с другом как средством накопления. Иначе говоря, различия товаров по степени ликвидности приобретут значение фактора, стимулирующего спрос на одни товары в ущерб другим. На языке неоклассической теории сказанное означает, что произойдут дифференцированные (не одинаковые) сдвиги кривых спроса на всех товарных рынках.

Неоклассическая экономическая теория в короткий срок завоевала господствующее положение в экономической науке не в последнюю очередь благодаря обоснованию закономерностей спроса, увязав их с рациональным выбором потребителя. Считается, что необходимость выбора (рационального) диктуется практически неограниченными потребностями людей (во всяком случае, людей, живущих в современном обществе) и ограниченностью ресурсов по их удовлетворению, допускающих различное (альтернативное) использование. При этом «сама по себе ограниченность ресурсов, несмотря на всю свою важность, не составляет достаточного признака экономических явлений. Если средства ограничены, но не имеют альтернативного использования, их нельзя «экономить»» [Роббинс 1993, с. 17]. Точнее будет сказать, что экономические стимулы к экономии ресурса, не имеющего альтернативного использования, будут относительно слабыми. Но так или иначе, если ключевой аспект проблемы рационального выбора связан с тем, что одни и те же средства (ресурсы) могут иметь различное употребление, использоваться для достижения различных целей, наиболее ценным ресурсом оказываются именно деньги.

Законы спроса действительно связаны с рациональным выбором потребителя, но потому, что рациональный потребитель выходит на рынок не с запасом товаров, а с запасом денег. Он может приобрести эти деньги в обмен на товары или долговые обязательства или каким то образом присвоить, но поскольку запас денег — то ограничение, из которого исходит в своих планах и расчетах потребитель, изменение планируемого спроса на какой-то товар предполагает в качестве неперменного условия изменение в противоположном направлении спроса на деньги или какой-то другой товар или товары. Вместе с тем, если предположить (как это обычно делается при построении кривой спроса)⁶, что цены всех прочих товаров остаются неизменными, изменение цены одного товара должно приводить к изменению спроса только на деньги и тот товар, цена которого изменилась. При данном, аналитически вполне оправданном предположении, кривая спроса во всех точках будет иметь отрицательный наклон, если количество денег, расходуемых на товар, увеличивается и сокращается в меньшей пропорции, чем количество товара, приобретаемого за деньги.

В понятиях неоклассической теории такое соотношение количеств денег и товара можно и должно объяснить тем, что предельная полезность денег убывает с меньшей скоростью, чем предельная полезность товара. Если это так, то при обосновании закона спроса предельную полезность денег можно принять в качестве постоянной величины, что без лишних слов зафиксирует принципиальное соотношение (разницу) между скоростью убывания предельной полезности денег и предельной полезности товара (не денег).

Выделение из мира хозяйственных благ денег и не денег (товаров) связано с тем, что скорость убывания предельной полезности различных хозяйственных благ неодинакова, и прежде всего потому, что неодинакова оценка благ как хранилищ богатства. Чем выше такая оценка, учитывающая, естественно, степень ликвидности и издержки содержания (L-с), тем сравнительно медленнее убывает полезность при одинаковом в процентном отношении увеличении количества блага, которым распоряжается или желает распоряжаться хозяйствующий субъект.

Закон спроса, упорядочивая процессы рыночного ценообразования, играет ключевую роль в формировании стоимостей товаров как устойчивых цен, при которых достигается равенство спроса и предложения на взаимосвязанных законом Вальраса рынках. Но чтобы закон спроса действовал на всех рынках, включая высоколиквидные, то есть с высоким (L-с), критически важно, чтобы находящиеся в обращении

⁶ Кривая спроса индивида или любой группы индивидов на конкретный товар показывает количество товара, которое они пожелают приобрести в единицу времени при каждой цене.

деньги воспринимались преимущественно как надежное средство сохранения стоимости и поэтому как предпочтительная для накопления форма богатства. Ведь привлекательность денег с точки зрения ликвидности и издержек содержания (L-с) заведомо выше привлекательности любого товара. Рост же денежных цен, означающий падение меновой стоимости денег, создает условия для быстрого обогащения посредством накопления тех или иных товаров, то есть отсрочки их превращения в деньги. При этом именно те товары, которые отличаются высоким (L-с), становятся особенно привлекательными для накопления. Поэтому при падении меновой стоимости денег существенные преимущества в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ (L-с) учитываются хозяйствующими субъектами в ходе плановых расчетов об объемах покупок и продаж различных товаров, что ведет к деформации структуры рыночных цен.

Получается, таким образом, что проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, — не просто проблема осмысления практически наилучшей (идеальной) меры стоимости (ценности). Вопрос о поддержании неизменного стандарта стоимости — это вопрос создания условий, при которых обеспечивается способность рыночной экономики к саморегулированию и устойчивому развитию. Другое дело, что на высших ступенях развития товарного производства (когда товары производятся посредством товаров) условия, обеспечивающие стабильность меновой стоимости денег, в своей совокупности находятся за пределами институтов, для формирования которых достаточно созидających сил самого рынка.

Принцип неизменной стоимости денег и мотив предпочтения ликвидности

Благодаря Кейнсу идея о том, что капиталистическая экономика нуждается в государственном регулировании, получила право гражданства в экономической науке. После опыта стагфляции 1970-х гг. принцип неизменности стоимости денег рассматривается обычно в качестве важнейшей цели государственной экономической политики. Вместе с тем всегда находятся экономисты, которые негативно относятся к мерам, направленным на стабилизацию стоимости денег, если это ведет к удорожанию кредита. Как правило, они апеллируют к идеям Кейнса, получая поддержку деловых кругов, что не удивительно, учитывая роль кредита в развитии современной экономики. Но возможно ли воспрепятствовать удорожанию кредита, если нет ясного представления, что, собственно, регулируется нормой процента?

Кейнс подверг резкой критике реальные (не денежные) теории процента. При этом он заложил основы денежной теории, указав на свойство ликвидности и минимальные издержки содержания, поскольку эти свойства сохраняются в активе денег как средства накопления при любых обстоятельствах, независимо от места и времени. Достаточно очевидно, однако, что в обществах с рыночной экономикой привлекательность денег как средства накопления во многом зависит от устойчивости их меновой стоимости, которая определяется не только спросом на деньги, но также их предложением. В современной посткейнсианской литературе вопросам предложения денег уделяется особое внимание, хотя высказывания самого Кейнса по этому поводу довольно банальны. Он указывал, что в краткосрочном аспекте предложение денег находится под жестким контролем денежных властей и этим отличается от предложения товаров. При этом, однако, эффективное, с учетом покупательной способности, предложение денег нельзя рассматривать как строго постоянное. “В частности, понижение заработной платы высвободит наличные деньги из других областей применения для удовлетворения потребности в ликвидности. Кроме того, при падении ценностей товаров в деньгах повысится отношение общего количества денег к совокупному богатству общества” [Кейнс 1993, с. 317]. Кейнс приводит ряд причин, из-за которых в экономике привычного для нас типа “падение ценностей товаров в деньгах” не в состоянии повысить спрос на товары за счет снижения спроса на деньги. Вместе с тем все эти причины, так или иначе, сводятся к (L-с), то есть к показателю, по

которому можно судить о способности разных благ замещать собою деньги [Кейнс 1993, гл. 17]. Так неужели эта способность столь низка у любых торгуемых на рынке благ, что деньги по существу незаменимы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно несколько перестроить теорию предпочтения ликвидности Кейнса, а именно — раскрыть природу денег как средства сохранения стоимости, а процента — как той цены, которая обеспечивает или должна обеспечивать устойчивость стоимости денег по сравнению с любыми не денежными товарными активами. Ведь согласно теории предпочтения ликвидности, процент — не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу⁷.

Достаточно очевидно, однако, что деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на данное обстоятельство. Между тем логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Для чего хранить деньги, если в качестве средства сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть без дополнительных издержек превращены в деньги. Ведь трансакционные издержки остаются одними и теми же, независимо от того, что именно хозяйствующие субъекты предпочитают хранить. Единственное требование к хранимым товарам — низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что стоимость товаров более устойчива, чем стоимость денег или даже столь же устойчива, как стоимость денег, свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но даже с достаточно обоснованной претензией более глубокого анализа товарно-рыночной организации общественного производства.

К этому сводится скрытый смысл или действительное содержание учения К. Маркса о форме стоимости, раскрывающее процесс возникновения денег как всеобщего эквивалента из противоречия, заключенного в товаре. В результате получилась общая теория товара, стоимости и денег, разъясняющая, почему купля и продажа товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения (десять аршин сукна=одному сюртуку), содержит зерна кризисов и депрессий, как это бывает в природе, когда из небольшого желудя вырастает огромное дерево. Иначе говоря, посредством общей теории товара, стоимости и денег Маркс пытался разъяснить, почему купля и продажа товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения, не может быть сведена к нему даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистическом.

Как это видно из вышеизложенного, купля и продажа товаров за деньги действительно не может быть сведена к простому товарному отношению, но по более глубокой причине, чем это полагал Маркс. В этой связи анализ товарно-рыночной организации общественного производства нужно начинать не с товара, а с денег, которые приобретают свойство непосредственной обмениваемости (ликвидности) не как всеобщий эквивалент, а как предпочтительная для накопления форма богатства. Характерно, что название “Деньги” Маркс прибегает именно для функции денег как средства накопления (сокровища) (см. [Маркс 1960, с. 140–156]). В соответствующем разделе “Капитала” содержится глубокий историко-экономический анализ мотива накопления денег. При

⁷ Многие крупные экономисты как до, так и особенно после Кейнса отказывались рассматривать процент как плату за сбережения. Отмечалось, что акт сбережения далеко не всегда означает жертву, связанную с откладыванием потребления и таким образом нуждающуюся в компенсации или поощрении в виде получаемого процента.

этом Маркс не забывает отметить, что стоимость денег — золота не подвержена столь частым и резким колебаниям, как стоимость обычных товаров.

По Марксу каналы денежного обращения не могут переполняться, ибо излишние для реализации товаров деньги уходят в резерв (становятся сокровищами). Но тем самым он фактически признает, что равновесие между спросом и предложением на денежном рынке имеет место постольку, поскольку деньги воспринимаются и используются людьми как средство накопления. Логическим следствием такого признания должно было бы стать признание, что переход от простой (единичной) формы стоимости к развернутой, когда каждый товар выражает свою стоимость поочередно во всех других товарах и, далее, к всеобщей и денежной, когда все товары выражают свою стоимость в одном и том же товаре, исторически и логически объясняется тем, что каждый последующий переход обеспечивает большую устойчивость для стоимости денег и, тем самым, для взаимосвязанных с ней товарных стоимостей⁸.

Впрочем, хорошо известно, что впервые внимание к проблеме стоимости (ценности) денег и к теории стоимости (ценности) вообще было привлечено революцией цен в XVI—XVII вв., когда на западноевропейские рынки хлынул поток ранее накопленного в Новом Свете аборигенами, но затем захваченного европейцами, золота и серебра. Рост цен, означающий падение стоимости денег, положил начало формулировкам количественной теории денег и, как следствие, изоляции теории денег от теории стоимости (относительных цен). Дело в том, что рост товарных цен как реакция на увеличение количества денег увязывался с представлением об избыточных запасах денег по сравнению со спросом на деньги как средством обращения.

Количественная теория денег утверждает, что рано или поздно увеличение количества денег (M) ведет к пропорциональному росту товарных цен (P). Отсюда следует, что увеличение количества денег не увеличивает стоимости совокупного денежного запаса и, таким образом, не прибавляет ничего к общей величине накопленного обществом богатства, поскольку стоимость денежной единицы падает пропорционально увеличению количества денег. Количественная теория пытается опереться на уравнение обмена ($MV=PQ$), которое основывается на равноценности израсходованных на покупки денег, с одной стороны (MV), и того, что на них куплено, — с другой (PQ). Вместе с тем фактическое соотношение между увеличением количества денег и повышением цен в эпоху революции цен разошлось с предсказаниями количественной теории. За два века цены выросли примерно в два—три раза, тогда как масса денег увеличилась в 15—17 раз⁹. Такой итог (согласно уравнению обмена) объясняется, во-первых, тем, что товаропроизводители не только с готовностью отчуждали свои продукты в обмен на деньги, но и не упускали возможности расширить объемы производства и продаж (Q). Во-вторых, не вся выручка от продажи товаров расходовалась на покупку других товаров. Часть денег сберегалась и накапливалась. В мотивационном отношении обе эти причины тесно взаимосвязаны. Стимулом к расширению производства были именно деньги, желание увеличить их запас. Это хорошо понимали меркантилисты, которые видели в деньгах не средство обращения, а предпочтительную для накопления форму богатства.

Считается, что меркантилисты преувеличили значение притока денег в страну, поскольку отождествляли деньги с богатством или капиталом. Но разве государство, как и индивид, не должно расходовать меньше, чем приобретает, если намерено увеличивать свое богатство. Вопрос в том, какую экономическую форму принимает или должен принимать этот излишек сверх потребляемого? Для своего времени (когда еще не открылись инвестиционные возможности, связанные с промышленной революцией)

⁸В историческом аспекте переход от одной формы стоимости к другой отражает тот факт, что первоначально многие народы и территории имели свои деньги, но, по мере развития торговых контактов, стало обычным (чтобы избежать убытков или получить выгоду) при оценке товаров использовать разные деньги (развернутая форма стоимости), из которых в конце концов остались только лучшие, приемлемые для всех, золотые деньги.

⁹Разные авторы по-разному оценивают приток денег и рост цен, но что приток денег многократно превысил повышение цен отмечается всеми и не подлежит сомнению.

учение меркантилистов, в рамках которого излишек отождествлялся с денежной формой богатства, выглядело и естественным, и, учитывая некоторые обстоятельства, вполне разумным именно с экономической точки зрения. Дело в том, что по мере затухания революции цен все больше фактов свидетельствовало о том, что ценность тогдашних металлических денег отличалась от ценности товаров большей устойчивостью. Поэтому среди мотивов, побуждающих расширять производство товаров, центральное место занимал мотив приобретения денег, которые воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами как форма богатства, позволяющая сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности без риска потери их ценности.

Хотя современные деньги утратили связь с золотом, их притягательная сила как ликвидной формы богатства не была подорвана. Вместе с тем было бы неверно полагать, что этим они (деньги) всецело обязаны своему происхождению (назначению) как посреднику в обмене. Чем больше какие-то вещи или, скажем, электронные записи на банковских счетах, используются как средство платежа за товары, тем больше укрепляется их восприятие как денег в силу самого процесса расширения групп людей, вовлеченных в товарно-денежные обмены. В этом непреходящая эвристическая ценность учения о деньгах Менгера.

Вместе с тем отсюда вовсе не следует, что деньги как социальный институт есть средство обращения. Деньги как средство обращения могут быть частично или полностью замещены теми или иными формами кредита. Но деньги как средство платежа за товары и одновременно средство платежа по долгам никак не умещаются в понятие "средство обращения", во всяком случае тогда, когда масштабы кредитования не ограничиваются ранее накопленными суммами денег, как это имеет место в современной денежно-кредитной системе с частичным резервированием банковских депозитов¹⁰.

Не случайно в последние десятилетия многие известные экономисты (Н. Калдор, Дж. Стиглиц, Х. Мински, Б. Бернанке, Д. Инхем и др.) заявляют о необходимости критически пересмотреть основные аспекты ортодоксальной теории денег с позиций кредитной природы современных (банковских) денег¹¹. Они имеют в виду пересмотр традиции, укорененной в экономической науке со времен экономистов классиков. Но вряд ли это возможно, если оставаться в кругу привычных представлений, согласно которым купля и продажа товаров за деньги сводима к обмену одних товаров на другие, ибо по происхождению и назначению своему деньги лишь устраняют неудобства (издержки) бартера, а главное, именно в этой связи они приобретают способность обмениваться на любые товары, или свойство ликвидности.

Даже Кейнс, уделявший особое внимание деньгам как средству накопления, ни-сколь-ко не сомневался в том, что свойство ликвидности присуще деньгам как средству обращения. Поэтому в системе Кейнса деньги, благодаря свойству ликвидности, весьма привлекательны для накопления, но желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме, или предпочтение ликвидности, сдерживает развитие любого, в том числе товарно-капиталистического производства и выступает ближайшей причиной экономических кризисов и депрессий.

Между тем желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме сдерживает развитие товарного производства только в том случае, если предложение денег не реагирует на спрос на деньги. Это условие никогда и нигде не соблюдалось в прошлом. Тем более это неверно для современной денежно-кредитной системы. Вопрос в том, как в рамках существующей денежно кредитной системы обеспечить, с одной стороны, дешевизну кредита, а с другой — безусловную сохранность стоимости денежных накоплений. Но это — особая тема, выходящая за рамки данной статьи.

¹⁰ Было бы неверно полагать, что современные (банковские) деньги извращают сущность товарно-обменных отношений. Поскольку товарно-капиталистическое производство есть лишь развитая форма товарного производства, капиталистические (банковские) деньги проливают свет на сущность (происхождение и назначение) товарных форм денег, а не наоборот.

¹¹ Обзор литературы и анализ новейших тенденций по вопросам теории денег и кредита см. в [Вымятина 2014, Гл. 1–3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальрас Л. (2000) Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Изограф.
- Вымятина Ю. (2014) Теория денег. СПб.: ЕУСПб.
- Кейнс Дж. М. (1993) Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика.
- Маркс К. (1960) Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Менгер К. (2005) Основания политической экономии. Гл. 8. Учение о деньгах // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего. С. 257–288.
- Роббинс Л. (1993) Предмет экономической науки // THESIS. Т. 1. С. 10–23.
- Смит А. (2007) Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Хикс Дж. (1993) Стоимость и капитал. М.: Прогресс.

Why money is more than a means of circulation

D. GOGOHIA*

***Gogohia Dorimendon** — PhD in economics, senior researcher of the Institute of Economics RAS. Address: 32, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: gogohia.dorik@yandex.ru.

Abstract

Functions of money, its role for emergence and performance of market economy are considered. Money is interpreted as a socially accepted form of wealth which role is to neutralize the impact of differences in liquidity and maintenance costs among traded goods on pricing. This approach is compared to those of classical, neoclassical and institutional economics. Rival theories of money origins are used as a background to assess controversies over contemporary fractional reserve banking.

Keywords: theory of money, prices, liquidity, maintenance costs, banking.

REFERENCES

- Hicks J. (1993) *Stoimost' i kapital* [Value and capital]. Moscow: Progress.
- Keynes J. M. (1993) *Obsh'aya teoriya zanyatosti, procenta i deneg* [The General theory of employment, interest and money]. Moscow: Economica.
- Marx K. (1960) Kapital, t. I [Capital, v. I]. Marx K., Engels F. *Works*, vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe bzdatelstvo politicheskoy literatury.
- Menger K. (2005) *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* Gl-8 *Uchenie o den'gah* [The Foundation of political economy. Ch. 8. The doctrine of money]. Menger K. *Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: The territory of the future, pp. 257–288.
- Robbins L. (1993) *Predmet ekonomicheskoy nauki* [The subject-matter of economics]. *THESIS*, vol. 1, no. 1, pp. 10–23.
- Smith A. (2007) *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo.
- Valras L. (2000) *Elementy chistoy politicheskoy ekonomii, ili Teoriya obsh'estvennogo bogatstva* [Elements of pure political economy or the theory of social wealth]. Moscow: Isograf.
- Vumyatnina Y. (2014) *Teoriya deneg* [Theory of money]. St.-Petersburg: EUSPB.